

Как ни замечательно у Скотта чувство исторической обусловленности моральных представлений, оно никогда не ведет его к релятивизму: есть понятия для Скотта незыблемые — верность слову, гуманности и долгу. Если страсти людские зависят от состояния нравов и законов, то суть человека, его природа, с точки зрения романиста, остается неизменной; значит, несмотря на различные в разные времена проявления нравственного чувства, главные критерии оценки их постоянны.

Соединение широты и твердости в общественных, религиозных и нравственных взглядах писателя определяет его понимание задач историка и романиста, оно же определяет достоинства и значение его литературной критики.

Так, несмотря на антипатию к деятелям революционной пуританской партии, Вальтер Скотт признает, что их поведение было следствием «странного разнообразия ошибок и заблуждений со стороны короля и его министров, со стороны парламента и его руководителей, со стороны объединенных королевств Англии и Шотландии по отношению друг к другу».

Своеобразие литературной позиции Скотта обусловлено тем, что его взгляды и вкусы, сформировавшиеся в период позднего Просвещения, подверглись воздействию романтической эпохи и сами оказали на нее значительное влияние. Скотт разделял свойственный просветителям рационалистический, эмпирический подход к литературным явлениям, рассматривая их в связи с обществом, материальной жизнью и культурой.

Вместе с тем, созрев под прямым влиянием просветительской идеологии и отправляясь от нее, Скотт, как и другие романтики, несомненно, ощущал ее неадекватность напору новых социальных и исторических фактов. Скептически настроенный по отношению к атмосфере радостного волнения и надежд, пробужденных революцией, Скотт, однако, как и другие романтики, осмысляет бурно меняющийся мир и на каждом шагу чувствует недостаточность прежних метафизических посылок.